

ПСИХОЛОГ, КОТОРЫЙ СТЁР СЕБЯ

АЛЕКСЕЙ
КОРНЕЛЮК

18+

Не сдавайся пока не прочитаешь эти книги

Алексей Корнелюк

Психолог, который стёр себя

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Психолог, который стёр себя / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Не сдавайся пока не прочитаешь эти книги)

В ближайшем будущем травму больше не нужно годами разбирать в кабинете психолога. Её можно удалить — аккуратно, стерильно, почти без следов. Известный психотерапевт, автор бестселлеров и лицо новой индустрии «чистой памяти», сам проходит процедуру стирания. Он хотел избавиться от одного воспоминания. Но после операции становится слишком спокойным: забывает не только боль, но и то, кем был рядом с ней. Его бывший ученик замечает первые трещины. Учитель, который когда-то спасал людей правдой, теперь путает имена, не узнаёт собственные фразы и будто играет человека, которого все привыкли уважать. Расследуя прошлое наставника, ученик выходит на закрытую клинику, исчезнувших пациентов и главный вопрос: что именно психолог хотел стереть — травму или вину? «Психолог, который стёр себя» — психологический детектив о памяти, самообмане и мире, где боль стала услугой.

Содержание

Психолог, который стёр себя	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Корнелюк

Психолог, который стёр себя

Психолог, который стёр себя

Глава 1. Согласие на удаление

Даниил Орлов приехал в клинику без водителя. Это было первое нарушение протокола, и администратор на ресепшене посмотрела на него так, будто он явился в операционную с шаурмой в руке.

— Вы сами за рулём? — спросила она.

У неё была идеально гладкая кожа, идеально белая блузка и маленькая гарнитура в ухе. Такие люди, как правило, не живут, а представляют помещение. Она представляла это помещение прекрасно: тёплый камень, мягкий свет, прозрачная стойка, в которой не отражалось ничего лишнего, даже человеческая усталость. За её спиной на стене светились три слова: «Память без боли». Ниже, совсем мелко: «Медицинская коррекция эмоционального следа».

— Я умею водить машину, — сказал Орлов.

— После процедуры самостоятельное вождение запрещено.

— После процедуры я, возможно, уже не буду тем человеком, которому нравилось водить машину.

Администратор не улыбнулась. В приличных местах шутки принимают как наличные в дорогом ресторане: вежливо, но с лёгким отворачиванием.

— Вас встретит сопровождающий. Вы указывали контакт?

— Указывал.

— Тимофей Северин?

Орлов на секунду задержал взгляд на её лице. Секунды хватило, чтобы она смутилась, хотя смущаться было нечему. Имя было в анкете, анкета была в системе, система была создана именно для того, чтобы чужие тайны выглядели как графы.

— Да, — сказал он. — Если я передумаю, ему звонить не надо.

— Перед процедурой у вас будет ещё одно подтверждение согласия.

— Я не об этом.

Она подняла глаза.

— А о чём?

Орлов положил на стойку паспорт. Паспорт был новый, биометрический, с фотографией человека, который уже много лет умел выглядеть чуть лучше, чем чувствовал себя на самом деле. На снимке у него был спокойный лоб, мягкая седина у висков, дорогая усталость в глазах. Лицо известного психотерапевта. Лицо с обложек, интервью, лекций, закрытых ужинов, где люди с белыми зубами говорили о травме так, будто обсуждали ремонт на вилле.

— О том, что если человек передумывает после, — сказал Орлов, — это уже не совсем считается.

Администратор посмотрела в монитор.

— Доктор Рябова вас ждёт.

Клиника занимала три верхних этажа здания на набережной. Внизу были ресторан без вывески, галерея современного искусства и магазин японских ножей, куда Орлов однажды заходил после развода и долго смотрел на сталь, не покупая ничего. Наверху продавали более чистую форму разреза. Без крови. Без скандала. Без необходимости объяснять кому-то, почему ты уже шесть лет просыпаешься в 4:17 и первое, что чувствуешь, — не страх, не горе, не вину

даже, а скучную бухгалтерскую ясность: вот я, вот потолок, вот память, которую я опять не сумел не взять с собой.

Его провели через коридор с матовыми стеклянными стенами. За стеклом двигались люди в светло-серой форме. Их лица были спокойными, как у официантов в очень дорогих ресторанах, где гости могут позволить себе не знать цену. На полу не было ковров, но шаги почти не звучали. В воздухе пахло эвкалиптом, озоном и дорогим страхом, который хорошо замаскировали. На стенах висели не картины, а абстрактные изображения нейронных связей. Золотые точки, тонкие линии, мягкие размывы. Всё это напоминало ночной город с высоты дрона: красиво, чисто, совершенно безлюдно.

Орлов подумал, что его пациенты обожают бы это место. Особенно те, кто говорил: «Я просто хочу перестать чувствовать». Обычно они произносили эту фразу на четвёртой или пятой встрече, когда первый приличный слой уже слезал, а под ним обнаруживался человек в дурной пижаме собственной жизни. Раньше Орлов отвечал им, что нельзя выключить одну комнату и оставить дом освещённым. Что боль не живёт отдельно. Что, если ампутировать горе, можно задеть любовь. Он говорил это красиво. Иногда даже честно. Теперь он шёл по коридору туда, где за деньги и подпись обещали сделать то, против чего он выступал двадцать лет.

Доктор Рябова ждала его в кабинете без письменного стола. Были два кресла, низкий круглый столик, графин с водой, две чашки, экран на стене и окно во всю высоту. За окном город стоял в октябрьском тумане. Башни, река, мосты, огни в офисах. Люди где-то там заканчивали день, изменяли, заказывали ужин, забывали перезвонить матерям, делали вид, что завтра будут другими. Город был огромной фабрикой обещаний.

— Даниил Андреевич, — сказала Рябова.

Она была младше его лет на пятнадцать, может, на семнадцать. Волосы собраны, голос сухой, руки красивые, без колец. Из тех врачей, которые не повышают тон не потому, что добрые, а потому что власть не нуждается в громкости.

— Вера Михайловна, — сказал Орлов. — Каждый раз, когда меня называют по имени-отчеству перед медицинским вмешательством, я чувствую, что должен передать кому-нибудь тапочки.

— Тапочки у нас выдаются.

— Значит, смерть всё-таки стала сервисом.

— Мы не занимаемся смертью.

— Никто не занимается. Она сама справляется.

Рябова указала на кресло. Орлов сел. Кресло оказалось неудобным ровно настолько, чтобы не расслабиться. Хорошая работа. Расслабленный клиент может передумать от нежности к себе. Напряжённый быстрее подписывает.

— Перед началом мы ещё раз проговорим границы процедуры, — сказала она. — Я понимаю, что вы знакомы с методикой, но юридически и этически мы обязаны...

— Юридически и этически, — повторил Орлов. — Два любимых слова людей, которые уже всё решили.

Рябова не отреагировала.

— Мы не удаляем фактическую память. Событие остаётся доступным как знание. Мы работаем с эмоциональной привязкой, повторным травматическим возбуждением, телесной реакцией и устойчивыми ассоциативными цепочками. Проще говоря, вы будете помнить, что событие произошло, но оно перестанет управлять вашим состоянием.

— Я сам это писал в вашей брошюре.

— Вы консультировали первый вариант текста. Потом мы его редактировали.

— Зря. В первом варианте было честнее.

— В первом варианте было слово «стирание». Оно пугает пациентов.

— Но вы ведь стираете.

— Мы корректируем.

— Это как если бы мясник называл себя специалистом по уменьшению коровы.

Рябова наконец улыбнулась. Едва заметно. У неё были ровные зубы и никакой радости.

— Вы нервничаете.

— Я живой.

— Именно с этим мы не работаем.

Он посмотрел на неё внимательнее. Иногда люди случайно говорят правду. Обычно потом всю жизнь тратят на то, чтобы доказать, что имели в виду другое.

— Хорошая фраза, — сказал Орлов. — Запишите. Для рекламной кампании не подойдёт, но для внутреннего девиза вполне.

Рябова взяла планшет. На экране появилось его имя, дата рождения, номер процедуры, длинный текст согласия. Внизу — пустое поле для подписи. Всё выглядело удивительно буднично. Как аренда самоката. Как покупка билета. Как подтверждение, что ты принимаешь файлы cookie, хотя понятия не имеешь, кто именно будет есть твои крошки.

— Целевой фрагмент подтверждаете? — спросила Рябова.

Орлов молчал.

— Даниил Андреевич?

— Подтверждаю.

— Сформулируйте вслух.

— Зачем?

— Протокол.

Он усмехнулся.

— Конечно.

Рябова ждала. Орлов откинулся в кресле и посмотрел в окно. Туман прижимался к стеклу так близко, будто хотел войти и тоже что-нибудь забыть.

— Событие от двадцать третьего октября две тысячи шестнадцатого года, — сказал он. — Связанная цепочка до двадцать седьмого октября включительно. Первичная эмоциональная реакция: вина, ночные эпизоды, повторные образы, соматическая реакция на запах хлорсодержащих средств, звук лифта старого образца, женский голос в низком регистре.

— Имя?

Орлов перевёл взгляд на неё.

— Имя не требуется.

— Имя входит в цепочку.

— У меня хорошая память на протоколы. Имя можно не произносить.

— Если вы не произнесёте его сейчас, процедура всё равно затронет связанный узел, но контрольная карта будет неполной. Это повышает риск побочных пустот.

Побочные пустоты. Ещё одна хорошая фраза. У нового времени было невероятное умение давать аккуратные названия вещам, от которых раньше человек просто садился на кухонный пол и выл. Орлов взял стакан воды. Вода была комнатной температуры. Богатые клиники давно поняли, что холодная вода напоминает телу о смерти.

— Ася Зарецкая, — сказал он.

В кабинете стало чуть тише. Не потому, что аппараты остановились или туман за окном перестал двигаться. Просто некоторые имена сами уменьшают помещение. Рябова отметила что-то на планшете.

— Вы сохраняете согласие на изоляцию эмоционального следа, связанного с Асей Зарецкой?

— Как красиво вы говорите. Изоляция эмоционального следа. Будто речь о том, что собака наследила в прихожей.

— Даниил Андреевич.

— Да. Сохраняю.

— Вы осознаёте, что после процедуры ваше отношение к связанным лицам, решениям, текстам, профессиональным выводам и личным воспоминаниям может измениться?

— Надеюсь.

— Это не формальный вопрос.

— Я тоже не формально надеюсь.

Рябова положила планшет на стол экраном к нему.

— Тогда подпишите.

Он не сразу взял стилус. Пальцы почему-то показались чужими. Старые, сухие, с едва заметной дрожью в правой руке. Эту дрожь он ненавидел. Она появлялась в неподходящие моменты: когда кто-нибудь в интервью спрашивал, был ли в его практике случай, который он не смог забыть; когда в ресторане официантка случайно произносила имя «Ася»; когда в квартире начинал гудеть старый лифт; когда он открывал первую свою книгу и видел посвящение, которое давно надо было убрать, но убрать было бы хуже, чем оставить. Он подписал. Подпись вышла уверенной. Многолетняя тренировка публичного человека: рука может предать, росчерк — нет.

— Спасибо, — сказала Рябова.

— Не благодарите. Это создаёт ощущение покупки.

— Процедура занимает сорок минут. Подготовка — около двадцати. После пробуждения возможны дезориентация, эмоциональная плоскость, лёгкая тошнота, нарушение временной сцепки.

— Нарушение временной сцепки я наблюдаю у всех, кто старше сорока.

— Также возможна защитная рационализация.

Орлов посмотрел на неё.

— Вера Михайловна, вы сейчас правда предупреждаете психотерапевта о рационализации?

— Именно психотерапевта — в первую очередь.

Он снова усмехнулся. На этот раз без желания. Раньше он любил такие столкновения. Умные женщины, профессиональная сухость, тонкая агрессия под белым халатом. В этом был вкус. Не сексуальный даже, а властный: два человека знают, что сейчас говорят не то, что говорят. Теперь вкус исчез. Осталась структура. Сцена без температуры.

— Скажите честно, — сказал он. — Вы считаете это лечением?

Рябова убрала планшет.

— Я считаю это инструментом.

— Скальпель тоже инструмент.

— И иногда он спасает жизнь.

— А иногда человек отрезает себе палец, потому что кольцо напоминает о браке.

Она посмотрела на него долго и спокойно.

— Даниил Андреевич, вы сами пришли.

— Это не аргумент. Люди сами приходят в казино, к бывшим и на лекции о личностном росте.

— Вы хотите отменить процедуру?

Он хотел ответить быстро, в своей манере: что-нибудь точное, холодное, достаточно острое, чтобы не пришлось касаться вопроса. Но ответ не пришёл. Вместо него пришла картинка. Старая лестничная площадка. Жёлтый свет. Запах хлорки. Девушка в сером пальто сидит на ступеньке и держит в руках телефон с разбитым экраном. На щеке у неё след от туши, хотя она не плачет. Не уже. Не там. Слезы иногда заканчиваются раньше катастрофы, оставляя человеку сухое лицо, которое потом все принимают за спокойствие.

«Вы же обещали», — говорит она.

И лифт за его спиной начинает ехать вниз. Орлов моргнул.

— Нет, — сказал он. — Не хочу.

Рябова кивнула так, будто именно этот ответ ожидала.

— Тогда пройдёмте.

Подготовочная была похожа на номер в дорогом отеле, из которого вынесли кровать и смысл. Серое кресло с фиксаторами, круглая панель над ним, стойка с одноразовыми наборами, монитор, на котором медленно вращалась схема мозга. Рядом стоял молодой техник. На вид ему было лет двадцать семь, но в клиниках нового типа все выглядели так, будто их собрали утром из прозрачного пластика и хорошего образования.

— Добрый день, Даниил Андреевич, — сказал он. — Я Артём, буду сопровождать нейрокарту.

— Артём, вы когда-нибудь думали, что фраза «сопровождать нейрокарту» звучит как работа экскурсовода для покойника?

Артём улыбнулся слишком поздно. Молодые люди часто не знали, можно ли смеяться с известными пациентами. Особенно когда известный пациент был психотерапевтом и мог потом написать колонку о твоём подавленном страхе перед авторитетом.

— Постараюсь провести вас аккуратно, — сказал он.

— Уже лучше.

Орлов снял часы. Рябова положила их в маленький прозрачный контейнер. Следом туда отправились телефон, кольцо без камня, которое он носил не на том пальце и не по той причине, и тонкая кожаная папка.

— Папку тоже? — спросила она.

— Там бумага.

— Во время процедуры при вас не должно быть личных предметов.

— Это не личный предмет. Это трусость в твёрдой обложке.

Рябова протянула руку. Орлов достал из папки один лист.

— Это можно оставить вам?

— Что это?

— Письмо.

— Завещание?

— Хуже. Инструкция.

Она взяла лист, пробежала глазами первые строки. На её лице ничего не изменилось, но он заметил, как большой палец чуть сильнее прижал бумагу.

— Адресовано Тимофею Северину, — сказала она.

— Если после процедуры я попрошу его не читать, передайте всё равно.

— Вы понимаете, что после процедуры можете изменить отношение к этому решению?

— На это и расчёт.

— Мы не участвуем в личных конфликтах пациента.

— Вы удаляете человеку воспоминания. Не стройте из себя нотариуса с моральной аллергией.

Артём опустил глаза к монитору. Рябова сложила лист и вложила его обратно в папку.

— Мы можем передать его только при вашем подтверждении после восстановления.

— Тогда оставьте у себя до подтверждения.

— Если вы не подтвердите?

— Значит, я стану тем человеком, которого боялся.

Впервые за весь вечер Рябова посмотрела на него не как врач. Как человек — это было бы слишком громко. Но как специалист, которому на секунду стало интересно не состояние пациента, а он сам.

— Зачем вы это делаете? — спросила она.

Он мог сказать: потому что устал. Это было бы правдой, но маленькой, жалкой, как чаевые за плохой ужин. Мог сказать: потому что не сплю. Потому что таблетки больше не берут. Потому что лекции о принятии прошлого стали похожи на мошенничество, а пациенты всё ещё смотрят на него так, будто он знает дорогу. Мог сказать: потому что шесть лет назад одна девушка произнесла «вы же обещали», и с тех пор эти три слова поселились в нём лучше, чем все люди, которых он когда-либо любил. Но он сказал другое:

— Мне нужно работать.

Рябова молчала.

— Вот видите, — добавил Орлов. — Самому противно.

Его уложили в кресло. Фиксаторы на запястьях были мягкими, почти заботливыми. Такие используют не для того, чтобы удержать человека, а чтобы он не заметил, что его всё-таки удерживают. Артём прикрепил датчики к вискам, за ушами, к шее. Холодный гель коснулся кожи. Орлов вздрогнул.

— Неприятно? — спросил Артём.

— Нет. Просто тело иногда имеет своё мнение.

— Сейчас начнётся предварительная калибровка, — сказала Рябова. — Вам будут показывать нейтральные изображения, затем контрольные стимулы. Не сопротивляйтесь реакциям. Нам нужна честная карта.

Честная карта. Орлов закрыл глаза, потом открыл. Над ним висела круглая панель, похожая на луну, которую вымыли перед продажей. На экране появились изображения. Стул. Чашка. Пляж. Дверь. Нейтральные, выхолощенные картинки, какие используют в тестах, потому что настоящая жизнь слишком дорого обходится методологии. Потом пошли другие. Старый лифт. Белая плитка. Жёлтый коридор. Телефон с разбитым экраном. Он не двинулся, но приборы рядом ожили тихим изменением ритма. Артём что-то отметил. Рябова смотрела на монитор. На экране появилось лицо Аси Зарецкой.

Фотография была не та. Не из досье. Не из новостей. Не из книги. Её, видимо, взяли из старого профиля: Ася стояла на улице, ветер поднял ей волосы, одна рука закрывала солнце, глаза смотрели мимо камеры. Ей было девятнадцать, но на этом снимке — семнадцать и сорок одновременно. У некоторых молодых лиц уже есть посмертное знание. Они ещё смеются, ещё ругаются с матерью, ещё покупают кофе в автомате, а лицо уже знает, что его будут вспоминать чужие люди в стерильных кабинетах. У Орлова пересохло во рту.

— Реакция высокая, — сказал Артём тихо.

— В пределах ожидаемого, — ответила Рябова.

«Вы же обещали».

— Уберите, — сказал Орлов.

— Ещё десять секунд.

— Уберите.

Рябова не убрала. Это было правильно. Это было профессионально. Это было именно то, чего он сам требовал от пациентов: останьтесь. Не бегите. Посмотрите туда. Да, туда. Именно туда, где вы всё время делаете вид, что нет двери. Ася смотрела мимо камеры. Орлов почувствовал, как поднимается тошнота. Не сильная. Знакомая. Вежливая тошнота богатого винового человека. Она не выворачивает тебя наизнанку, потому что даже тело уже устало устраивать сцены. Картинка исчезла.

— Контур подтверждён, — сказал Артём.

Рябова подошла ближе.

— Сейчас я введу седативный препарат. После этого начнётся основной этап. Вы услышите несколько фраз. Возможно, будут вспышки воспоминаний. Не пытайтесь удерживать их.

— А если я хочу удержать?

- Тогда процедура будет менее чистой.
- Может быть, чистота переоценена.
- Возможно.

Она взяла шприц из набора. Орлов смотрел, как жидкость входит в катетер. Всё было почти красиво. Ужас часто проигрывает оттого, что люди ждут от него грязи. А он приходит в одноразовых перчатках.

- Последний вопрос, — сказал он.
 - Да?
 - Если я после этого скажу, что счастлив, вы мне поверите?
- Рябова убрала пустой шприц.
- Нет.
 - Почему?
 - Потому что счастливые люди редко так тщательно готовятся исчезнуть.

Он хотел засмеяться, но препарат уже начал размывать края комнаты. Свет стал мягче. Лицо Рябовой отделилось, хотя она не отходила. Артём превратился в белое пятно у монитора. Где-то рядом тихо щёлкнул аппарат. Город за окном больше не существовал. Туман вошёл в комнату без разрешения.

- Даниил Андреевич, — сказала Рябова. — Скажите, что вы хотите отпустить.

Сначала он подумал, что не ответит. Что сохранит хоть это маленькое право — не помогать им формулировать собственное исчезновение. Но язык оказался предателем, как и всё живое в человеке.

- Не боль, — сказал он.
- Что?

Голос Рябовой дошёл издалека. Он увидел лестничную площадку. Асю на ступеньке. Разбитый телефон. Свою руку на перилах. Закрытую дверь кабинета. Лифт, который едет вниз. Тимофея у окна, молодого, растерянного, ещё верящего ему так, как верят только тем, кто однажды сказал правильные слова в правильный момент.

- «Мы не можем сейчас поднимать шум», — говорит Орлов.

И понимает, что именно эта фраза была началом всего. Не смерть. Не эксперимент. Не книга. Фраза.

- Не боль, — повторил он. — Вину.

Рябова ничего не сказала. И хорошо. В такие минуты молчание — единственная форма приличия, которой ещё можно верить. Потом лицо Аси стало рассыпаться на светлые квадраты. Или это был потолок. Или собственная память, которая наконец получила официальное разрешение уйти. Орлов попытался удержать хотя бы её имя, не смысл, не сцену, не ужас, только четыре буквы, простые, детские, почти воздушные. Ася. Ася. Ася. На третьем повторе имя стало чужим. На четвёртом — просто звуком. На пятом — ничем. Когда Даниил Орлов открыл глаза, доктор Рябова сидела рядом и смотрела на монитор. В комнате было тихо. За окном город включил вечерние огни. Он чувствовал себя выпавшимся, пустым и слегка голодным.

- Как вы себя чувствуете? — спросила Рябова.

Он прислушался к себе. Ничего не болело. Это было странно. Почти неприлично.

- Нормально, — сказал он.
 - Назовите своё имя.
 - Даниил Андреевич Орлов.
 - Дата рождения?
- Он назвал.
- Профессия?
 - Психотерапевт.
 - Целевой фрагмент помните?

Орлов посмотрел на неё с лёгким раздражением. Вопрос показался бестактным, как просьба пересказать сон незнакомому человеку за завтраком.

— Двадцать третье октября две тысячи шестнадцатого года, — сказал он. — Пациентка Ася Зарецкая. Острый кризис. Последующие события. Моя профессиональная ошибка.

Слова прозвучали ровно. Удобно. Как чужой диагноз, записанный в старой карте.

— Эмоциональная реакция?

Орлов подождал. Внутри было тихо. Не хорошо. Не плохо. Просто тихо.

— Отсутствует, — сказал он.

Артём улыбнулся у монитора. Молодой, глупый, счастливый чужим успехом.

— Отличный результат.

Орлов повернул голову к нему.

— Не употребляйте слово «отличный» рядом с человеческой ампутацией.

Артём побледнел. Рябова внимательно посмотрела на Орлова. Он тоже заметил свою фразу. Она была правильной, почти прежней. Интонация осталась. Ирония осталась. Профессиональная холодность осталась. Всё важное, видимо, было на месте. Кроме того, что ему было всё равно.

— У вас была папка, — сказала Рябова. — Вы просили вернуться к ней после процедуры.

— Какая папка?

Она достала из контейнера его вещи. Часы. Телефон. Кольцо. Кожаная папка. Орлов смотрел на неё без узнавания, но без тревоги. Мало ли что человек приносит с собой в клинику. Люди вообще таскают за собой множество предметов, чтобы не заметить, что самые тяжёлые не помещаются в руки.

— Внутри письмо Тимофею Северину, — сказала Рябова.

— Тимофею?

— Да.

Имя что-то задело. Не боль. Скорее слабый электрический щелчок в стене, за которой давно отключили свет.

— Зачем?

— Вы сказали: если после процедуры попросите не читать, передать всё равно.

Орлов взял папку. Открыл. Внутри лежал сложенный лист. На верхней строке был его собственный почерк, чуть наклонённый, резкий, как всегда, когда он писал без желания быть красивым.

«Тима, если я скажу, что всё нормально, не верь мне».

Орлов прочитал фразу два раза. Потом третий. Она была драматичной, неприятной и совершенно лишней. В ней чувствовалась усталость человека, который слишком долго разговаривал с собой в плохой литературной манере.

— Забавно, — сказал он.

— Что именно?

— Я не называю его Тимой.

Рябова молчала. Орлов сложил письмо обратно, аккуратно провёл пальцем по сгибу и посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Лицо было его. Немного бледнее обычного, но вполне пригодное. С таким лицом можно было выходить к людям, давать интервью, сидеть в жюри, подписывать книги, говорить о боли, не чувствуя к ней ничего личного. Он подумал, что завтра нужно перенести встречу с издателем на вторую половину дня. Потом спросил:

— А кто такая Ася?

Глава 2. Лекция о боли

Тимофей Северин не любил большие залы, где люди приходят слушать о собственной душе за цену хорошей обуви. В таких местах всегда пахло кофе, пылью от дорогой акустики и надеждой, которую заранее расфасовали по пакетам: vip-ряд, стандартный билет, авто-

граф-сессия, доступ к записи на семь дней, скидка на курс, если купить до полуночи. Человеческая боль в Москве давно научилась стоять в очереди по QR-коду. Он пришёл за двадцать минут до начала и сразу пожалел.

В фойе центра «Контур» было слишком много света. Белые колонны, стеклянные перила, золотистые указатели, экраны с лицом Даниила Орлова. На экранах Орлов выглядел лучше, чем большинство людей в день собственной свадьбы: тёмный пиджак, седина у висков, спокойная улыбка человека, который много лет зарабатывал тем, что другие не справлялись с жизнью. Под фотографией крупно: «ДАНИИЛ ОРЛОВ. ПРОШЛОЕ НЕЛЬЗЯ УДАЛИТЬ». Ниже, помельче: «Большая лекция о травме, памяти и свободе». Тимофей остановился перед экраном и долго смотрел на эту фразу. Прошлое нельзя удалить. Он даже усмехнулся, но как-то без удовольствия. В последнее время у него вообще плохо получалось смеяться над тем, что само предлагало себя для смеха. Слишком много всего стало пародией без посторонней помощи.

Рядом две женщины фотографировались на фоне афиши. Одна сказала, что после развода книга Орлова помогла ей понять: всё, что с ней происходит, — не она, а травма.

— Удобно, — ответила подруга.

— Что удобно?

— Когда ты не ты, а травма.

У входа продавали книги Орлова. На новых обложках имя автора было крупнее названия. Тимофей взял «Человека, который выдержал себя» — новую редакцию с дополнительной главой о том, как перестать быть заложником прошлого. Его старый экземпляр лежал дома, исписанный карандашом, с пятном кофе на странице сто сорок три.

— Подписать после лекции можно будет в правом крыле, — сказала девушка за столом.

— Что?

— Книгу. Даниил Андреевич будет подписывать.

— Спасибо. У меня уже есть.

— Эта новая редакция. С дополнительной главой.

Тимофей перевернул книгу. На обороте была фотография Орлова — та же улыбка, но чуть теплее. Под ней короткая биография: психотерапевт, автор, основатель института интегративной памяти, консультант международных программ по работе с травматическим опытом. Слово «память» там стояло три раза. Слово «вина» — ни разу.

— Дополнительная глава о чём? — спросил Тимофей.

Девушка улыбнулась так, как улыбаются люди, обученные не отвечать своими словами.

— О том, как перестать быть заложником прошлого.

— Но прошлое нельзя удалить.

Она на секунду потеряла улыбку, потом нашла обратно.

— Именно.

Тимофей положил книгу на место. В зал Тимофей вошёл одним из последних и сел сбоку, ближе к проходу. Семьсот человек ждали человека, который назовёт их боль правильными словами. На сцене стояли кресло, столик с водой и экран. Свет потемнел, и аплодисменты начались ещё до появления Орлова. Орлов появился из левого прохода. Тимофей сразу заметил: он похудел.

Не сильно. Не так, чтобы это бросилось в глаза залу. Для зала Орлов был прежним: собранным, спокойным, чуть усталым, с этой своей знаменитой походкой человека, который никуда не спешит, потому что везде уже был. Но Тимофей видел его слишком много лет, чтобы не заметить. Лицо стало суше. В движениях появилась какая-то экономия. Не слабость, а сокращение лишнего. Будто из Орлова вынули маленькую, невидимую часть, которая раньше задерживалась в жестах на полсекунды дольше. Он вышел к креслу, не сел, взял микрофон и дождался, пока аплодисменты сами умрут. Это он всегда умел: не перебивать любовь к себе. Давать ей выдохнуться.

— Добрый вечер, — сказал Орлов. — Я рад, что вы пришли поговорить о том, о чём большинство людей предпочитает молчать в приличном обществе.

В зале тихо засмеялись. Голос был прежний. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Голос, который мог сказать человеку: «Вы не обязаны больше ненавидеть себя», — и человек верил, хотя до этого не верил никому, включая анализы крови.

— О прошлом, — продолжил Орлов. — О памяти. О боли. И о нашей прекрасной, почти трогательной попытке сделать вид, что если мы достаточно заняты, достаточно успешны, достаточно красиво одеты и достаточно правильно дышим в приложении, то внутри нас нет комнаты, куда мы боимся входить.

Смех стал громче. Люди любили, когда над ними издевались с уважением. Тимофей слушал, сложив руки на коленях. Первые десять минут всё было безупречно. Даже слишком. Орлов говорил легко, ясно, с тем самым ритмом, благодаря которому его лекции разлетались на короткие фрагменты: фраза, пауза, улыбка, удар. Он рассказывал о пациентке, которая двадцать лет не могла выбросить чашку умершей матери. О мужчине, который построил бизнес только для того, чтобы однажды отец сказал: «Теперь нормально». О женщине, которая после развода перестала ходить в те районы города, где когда-то была счастлива, будто счастье оставляет радиацию. Зал дышал вместе с ним. Тимофей тоже когда-то дышал.

Он помнил первый семинар Орлова, на который пришёл студентом. Подвал старого института, облезлые стены, пластиковые стаканчики с чаем, Орлов ещё без седины, но уже с этим опасным умением говорить так, будто видит тебя насквозь и не морщится. Тогда Тимофей сидел в третьем ряду и старался записывать всё подряд. Через час перестал. Некоторые люди в молодости производят впечатление не мыслями, а разрешением. Орлов разрешал быть сломанным и не выглядеть при этом жалко. Потом было много лет. Супервизии. Практика. Ночные разговоры в коридорах конференций. Первый провал Тимофея с пациентом, после которого он решил уйти из профессии. Орлов тогда нашёл его на лестнице, сел рядом, хотя костюм у него был слишком дорогой для грязной лестницы, и сказал фразу, которую Тимофей потом носил в себе как монету под языком:

«Ты не Бог, Тима. Не делай из своей ошибки религию».

Глупая, точная, спасительная фраза. Именно после неё Тимофей остался. На сцене Орлов сделал паузу, отпил воды и посмотрел в зал.

— У нас появилась новая мода, — сказал он. — Мода на человека без прошлого. На человека, который ничего не тащит. Ничего не помнит. Ни о чём не жалеет. Не срывается. Не возвращается мысленно к тем, кого потерял. Не просыпается ночью от старого голоса. Не боится запаха, комнаты, песни, лифта, телефона, даты в календаре. Чистый человек. Оптимизированный. Без лишних внутренних файлов.

Тимофей поднял глаза. Слово «лифт» прозвучало не случайно. Оно легло в зал ровно, без дрожи. Орлов произнёс его так, как произнёс бы «стул» или «яблоко». Но Тимофей почему-то почувствовал неприятный холод под рёбрами. Может быть, потому что Орлов раньше не использовал это слово в лекциях. Может быть, потому что использовал. Память иногда ведёт себя как плохой свидетель: уверенно говорит, но путается в деталях.

— Идея соблазнительная, — продолжал Орлов. — Правда? Кто из нас не хотел бы удалить из себя несколько сцен? Один разговор. Одну ночь. Одну больничную палату. Одну лестницу. Одно лицо.

Он снова сделал паузу. Тимофей смотрел на его руки. Левая спокойно лежала на спинке кресла. Правая держала микрофон. Ни дрожи. Ни лишнего движения. В этом тоже было что-то неправильное. Орлов всегда немного двигал правой рукой, когда подходил к опасному месту. Едва заметно, большим пальцем по микрофону или по кольцу. Маленький сбой, который Тимофей заметил много лет назад и почему-то полюбил. Даже у мастера был шов. Теперь шва не было.

— Но человек без прошлого, — сказал Орлов, — это не свободный человек. Это человек без доказательств, что он вообще жил.

Зал замолчал той дорогой тишиной, которую организаторы потом обязательно вставят в проморолик. Тимофей должен был признать: фраза была сильная. Слишком сильная, чтобы не быть отрепетированной. Но внутри неё чего-то не хватало. Раньше Орлов говорил так, будто каждая такая фраза стоила ему небольшого внутреннего ожога. Теперь он произносил их идеально, без дыма. На большом экране за его спиной появилась фотография старого дома. Подъезд, мокрые ступени, почтовые ящики. Тимофей нахмурился. Этот слайд он тоже раньше не видел.

— Я расскажу вам историю, — сказал Орлов. — Без имён, разумеется. Все детали изменены.

В зале зашуршали блокноты. Люди любят истории без имён. Они создают ощущение, что чужая боль соблюдает конфиденциальность и одновременно принадлежит всем.

— Много лет назад у меня была пациентка, — начал Орлов. — Молодая женщина. Очень умная, очень тонкая, с тем разрушительным видом ума, который не помогает жить, а только делает страдание более литературным. Она пережила тяжёлый эпизод. Не буду вдаваться в подробности. Скажу только, что её память стала для неё тюрьмой. Она не жила — она возвращалась. Каждый день. В одну и ту же точку. Один и тот же коридор. Один и тот же звук. Один и тот же человек, который должен был её спасти и не спас.

Тимофей перестал двигаться. Слова будто проходили мимо смысла и попадали сразу в тело. Коридор. Звук. Человек, который должен был спасти. Он видел подобные истории у Орлова в книгах, слышал на семинарах, разбирал с ним случаи. В профессии всё время повторяются коридоры, больницы, отцы, матери, двери, последние звонки. Невозможно каждый раз вздрагивать от совпадения. И всё же сейчас совпадение не было похоже на совпадение. Оно было похоже на чужую руку, которая легла тебе на затылок.

— Она спросила меня, — продолжил Орлов, — можно ли однажды стать человеком, с которым этого не происходило.

Он ходил по сцене медленно. Свет лежал на его лице ровно, почти рекламно.

— Я ответил ей: нет. И это был, возможно, самый честный ответ, который я мог дать. Мы не можем стать людьми, с которыми ничего не случилось. Мы можем стать людьми, которые перестают делать случившееся своим единственным именем.

Тимофей услышал, как женщина в соседнем ряду тихо выдохнула. Кто-то всхлипнул. Кто-то сфотографировал слайд, хотя на нём не было текста. Орлов сделал ещё несколько шагов.

— Но тогда я был моложе. Самонадеяннее. Я верил, что правда всегда лечит. Это очень опасная вера. Ею часто страдают начинающие специалисты и люди, которым пока не пришлось выбирать между правдой и чьей-то жизнью.

Тимофей почувствовал, как напряглась челюсть. Что-то в этой фразе было чужим. Не в смысле неправильным. Наоборот, она была слишком гладко поставлена. Но Орлов раньше не оправдывал молчание сложностью выбора. Он ненавидел эту интонацию. «Сложный выбор» он называл любимым парфюмом трусости. Тимофей даже записал это когда-то. Любимый парфюм трусости. В зале Орлов говорил уже о том, что память нельзя насиловать, что некоторые двери открываются только изнутри, что психолог не имеет права тащить человека к правде, если тот ещё не может вынести собственное лицо при свете. Всё это было верно. Всё это было красиво. Всё это можно было напечатать на карточках и продавать возле выхода вместе с книгами. Но Тимофей вдруг понял: Орлов рассказывает не о пациентке. Он рассказывает о себе.

Только так, будто сам этого не знает. Лекция длилась полтора часа. К концу зал был мягкий и послушный. Люди хлопали стоя. Некоторые плакали. На больших экранах Орлов принимал аплодисменты с лёгкой усталой улыбкой, наклонив голову, как человек, которому неловко за чужую любовь, но не настолько, чтобы уйти со сцены слишком рано. Тимофей не

хлопал. Он сидел и смотрел на экран, где лицо Орлова было увеличено до размеров фасада. В таком масштабе человеческая мимика становится подозрительной. Видно, как запаздывает улыбка. Как глаза не участвуют там, где должны. Как пауза длится на долю секунды дольше, чем нужно живому человеку, и на долю секунды меньше, чем нужно лжецу.

После лекции очередь за автографом вытянулась через всё фойе. Люди держали книги, телефоны, букеты, свои маленькие подготовленные фразы. У каждого был запасной вариант себя, который он хотел показать Орлову за двадцать секунд: благодарный, глубокий, уже почти исцелённый. Тимофей встал в стороне у колонны. Уходить он не собирался. Подходить тоже. Он видел, как Орлов подписывает книги. Быстро, но не механически. Поднимает глаза на каждого. Слушает ровно столько, чтобы человек успел почувствовать себя существующим, но не настолько долго, чтобы следующий в очереди начал раздражаться. Идеальный ритм славы, облагороженной эмпатией.

— Вы тоже к нему? — спросила женщина рядом.

Тимофей повернул голову. Та самая, из первого ряда. Лет сорок пять, может, чуть меньше. Худое лицо, тёмное пальто, пальцы сжаты на корешке книги так крепко, будто книга могла убежать. Глаза сухие. Слишком сухие.

— Не знаю, — сказал Тимофей.

— Значит, да.

Она сказала это без улыбки.

— Вы давно его знаете? — спросила она.

Тимофей не любил, когда незнакомые люди задают точные вопросы. Он вообще плохо относился к точности вне кабинета.

— Достаточно.

— Тогда вы заметили.

— Что?

Женщина посмотрела на очередь. Орлов как раз смеялся над чьей-то фразой. Смех был короткий, красивый, профессионально тёплый.

— Он больше не болит, — сказала она.

Тимофей молчал.

— Раньше, когда он говорил о боли, ему самому было больно. Это видно. Не всем, но видно. А теперь он говорит правильно. Как навигатор.

— Вы психолог?

— Нет.

— Тогда откуда такая уверенность?

Женщина наконец посмотрела на него прямо.

— Я тоже так говорю после процедуры.

Тимофей не сразу понял. Она раскрыла книгу. На первой странице была подпись Орлова: «Елене. Жить — не значит возвращаться. Д.О.» Почерк уверенный, красивый, чуть наклонный.

— Какой процедуры? — спросил Тимофей.

— Вы правда не знаете?

— Нет.

Женщина чуть усмехнулась. Теперь в её лице появилась усталость, и от этого оно стало почти живым.

— Конечно. Он умеет выбирать людей, которым не говорит.

Очередь сдвинулась. Кто-то попросил Орлова записать видео для подруги. Орлов взял телефон, улыбнулся в камеру и сказал: «Наташа, прошлое не сильнее вас». Наташа, где бы она ни была, возможно, потом пересмотрит это сорок раз и всё равно ночью напишет чело-

веку, которому не надо писать. Утешительные фразы часто работают как обезболивающее: действуют недолго и вызывают привычку.

— Меня зовут Елена Рубцова, — сказала женщина. — Я была у него пациенткой три года назад.

— У Орлова?

— У Орлова. А потом в клинике.

— В какой клинике?

Она не ответила сразу. Посмотрела на людей, на камеры, на охранника у входа в правое крыло, на девушку с бейджем, которая следила, чтобы каждый получал ровно одно фото и не больше одного вопроса.

— «Мнема», — сказала она тихо.

Название Тимофею ничего не сказалось. Или сказалось, но так тихо, что он не расслышал. Бывают слова, которые сначала кажутся незнакомыми, а потом ты понимаешь, что просто не хотел узнавать их с первого раза.

— Что это?

Елена провела пальцем по обложке книги.

— Место, где можно перестать быть человеком, которому не повезло.

— Это ваша формулировка?

— Нет. Моя хуже.

— И Орлов имеет к этому отношение?

Она странно улыбнулась.

— Он имеет отношение ко всему, к чему потом делает вид, что не имеет отношения.

Тимофей почувствовал раздражение. Не на неё даже. На тон. На эту готовую фразу. На то, как легко люди после лекций превращаются в носителей недоказанных тайн. Психотерапевты часто сталкиваются с чужой паранойей, и самая неприятная её особенность в том, что иногда она оказывается просто хорошо информированной болью.

— Вы хотите мне что-то рассказать? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем вы подошли?

— Посмотреть, знаете ли вы.

— Что?

Елена посмотрела ему за плечо.

— Что он сделал с собой.

Тимофей обернулся. Орлов стоял в трёх метрах от них. Очередь ещё не закончилась, но он, видимо, поднялся на минуту. Рядом была ассистентка с планшетом. В руке у Орлова — чёрный маркер. Он смотрел не на Елену. На Тимофея. Лицо у него было спокойное.

— Тимофей, — сказал он.

Вот оно. Имя прозвучало правильно. Без ошибки. Без трещины. И всё равно Тимофею почему-то стало неприятно.

— Даниил Андреевич.

— Ты не подходишь.

— Не хотел мешать.

— Ты мешаешь гораздо эффективнее, когда молчишь в углу.

Это была почти прежняя фраза. Почти прежняя интонация. Укол, тепло, наблюдательность. Залитая сверху лёгкой иронией забота. Тимофей даже на секунду расслабился. Может быть, он всё придумал. Может быть, Орлов просто устал. Может быть, женщина рядом просто одна из тех, кто приходит к известным терапевтам за близостью, а уходит с обидой, если близость не становится вечной. Орлов перевёл взгляд на Елену.

— Елена Викторовна.

— Вы помните отчество, — сказала она.

— Я помню многое.

— Не всё.

Орлов улыбнулся.

— К счастью.

Елена побледнела. Совсем чуть-чуть, но Тимофей заметил. Не страх. Скорее подтверждение страха.

— Вы говорили сегодня красиво, — сказала она.

— Спасибо.

— Особенно про то, что прошлое нельзя удалить.

— Это правда.

— Теперь да.

Между ними повисла пауза. Не театральная. Плохая. Такая бывает в лифте, где один человек узнал другого, а другой решил, что нет. Ассистентка Орлова шагнула ближе.

— Даниил Андреевич, у нас ещё сорок человек и интервью.

— Одну минуту.

Он снова посмотрел на Тимофея.

— Остаься после. Поговорим.

— О чём?

— О тебе.

— Почему обо мне?

— Потому что о себе ты всё равно никогда не рассказываешь, даже когда делаешь вид, что говоришь о других.

Это было точное попадание. Слишком точное. Тимофей должен был почувствовать привычную смесь злости и благодарности. Орлов умел попадать туда, где человек держал ладонь. Но вместо благодарности пришло другое: ощущение, будто кто-то пользуется старым ключом от квартиры, в которой давно сменили замки.

— Хорошо, — сказал Тимофей.

Орлов кивнул и вернулся к столу. Елена смотрела ему вслед.

— Не оставайтесь с ним один, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы ещё думаете, что он ваш учитель.

— А он кто?

Она сжала книгу так сильно, что обложка чуть согнулась.

— Человек, который нашёл способ не помнить, что он сделал.

Тимофей хотел спросить ещё, но к ним подошёл охранник в мягком сером костюме. Не грубо, не угрожающе. Просто встал рядом и сообщил своим телом, что разговор окончен. Елена сразу изменилась: выпрямилась, закрылась, стала обычной женщиной с книгой. Такие люди в дорогих местах быстро вспоминают, как надо выглядеть, чтобы тебя не вывели.

— Найдите «Мнему», — сказала она почти беззвучно. — И не верьте буклетам.

Потом ушла в толпу. Тимофей остался у колонны. На сцене в фойе Орлов снова подписывал книги. Смеялся. Смотрел людям в глаза. Писал короткие фразы, которые они потом будут хранить как личное благословение. Всё было на месте. Лицо. Голос. Жесты. Ум. Даже его старая способность замечать чужую боль осталась. Только теперь она казалась не теплом, а прибором. Через двадцать минут ассистентка провела Тимофея в служебный коридор. Там уже не было мягкого света и музыки. Просто серые стены, коробки с водой, стойки с баннерами, скрученные провода, усталый уборщик, который вёз тележку и не интересовался прошлым. Любая красивая сцена с обратной стороны похожа на склад. Тимофей почему-то любил такие места больше залов.

Орлов ждал в маленькой гримёрке. Без пиджака. В белой рубашке, с расстёгнутой верхней пуговицей. На столе лежали маркеры, бутылка воды, тарелка с нетронутым виноградом и телефон экраном вниз.

— Садись, — сказал он.

Тимофей сел на стул у двери. Орлов заметил.

— Всё ещё выбираешь место ближе к выходу.

— Всё ещё делаете вид, что это глубокое наблюдение.

— Оно не глубокое. Просто точное.

Орлов налил воды в пластиковый стаканчик и поставил перед ним. Тимофей не взял.

— Как ты? — спросил Орлов.

— Нормально.

— Плохой ответ.

— Ваш любимый.

— Мой любимый — честный.

— Тогда плохо.

Орлов сел напротив.

— Почему?

Тимофей посмотрел на него. Вблизи изменения были заметнее. Не кожа, не возраст. Что-то в глазах. Раньше взгляд Орлова был тяжёлым не от мрачности, а от присутствия. Он как будто входил в комнату раньше тела и занимал там место. Сейчас взгляд был яснее, легче, почти моложе. Тимофею не понравилось, как хорошо Орлов выглядел.

— Потому что я слушал вашу лекцию, — сказал он.

— Это обычно помогает людям, а не портит им вечер.

— Вы сегодня рассказывали случай. Про молодую пациентку. Коридор. Звук. Человека, который должен был спасти.

Орлов отпил воды.

— И?

— Кто это?

— Собранный образ. Несколько случаев.

— Неправда.

Орлов посмотрел на него с интересом. Не с раздражением. Именно с интересом. Как врач смотрит на симптом, который наконец проявился достаточно чётко.

— Ты пришёл спорить с моей композицией лекции?

— Я пришёл понять, почему человек, который двадцать лет говорил, что прошлое нельзя удалить, теперь говорит это так, будто проверяет микрофон.

Пауза. Снаружи кто-то засмеялся. В гримёрке смех прозвучал чужим и плоским.

— Жёстко, — сказал Орлов.

— Вы сами учили.

— Я многому учил. Ученики любят выбирать удобные осколки.

— Что такое «Мнема»?

Если Орлов и удивился, то очень аккуратно. Его лицо почти не изменилось. Почти — потому что Тимофей увидел маленькую задержку перед вдохом.

— Где ты слышал это название?

— От Елены Рубцовой.

— Елена нестабильна.

— Все пациенты становятся нестабильными, когда говорят не то, что нам удобно?

Орлов улыбнулся. Уже без тепла.

— Ты стал резче.

— А вы спокойнее.

— Возраст.

— Нет.

Слово вышло быстрее, чем Тимофей успел его обдумать. Орлов поставил стакан.

— Что «нет»?

— Это не возраст.

— А что?

Тимофей вдруг понял, что если сейчас спросит прямо, назад дороги не будет. До этого момента всё ещё можно было списать на усталость, слухи, странную пациентку, профессиональную ревность, собственное разочарование в наставнике. После прямого вопроса начнётся другая история. В ней не будет удобного места, где можно сказать: я просто ошибся. Он спросил:

— Вы проходили процедуру?

Орлов молчал. Это молчание длилось не больше трёх секунд, но в нём успело что-то состариться.

— Какую процедуру? — сказал он наконец.

Тимофей усмехнулся. Теперь уже с удовольствием. Маленьким, злым.

— Плохой ответ.

Орлов посмотрел на него почти ласково.

— Тимофей, ты устал. Ты всегда начинаешь видеть заговор там, где не можешь вынести обычную человеческую неоднозначность.

— Это вы сейчас как учитель говорите или как человек, который боится, что ученик нашёл чек?

— Чек?

— След.

Орлов откинулся на спинку стула.

— Ты пришёл на мою лекцию, поговорил с бывшей пациенткой, услышал слово, которого не понимаешь, и теперь строишь драму. В этом есть что-то трогательное.

— Вы не ответили.

— Я не обязан отвечать на вопрос, в котором уже есть приговор.

— Тогда ответьте на простой.

— Попробуй.

Тимофей наклонился вперёд.

— Кто такая Ася Зарецкая?

Орлов смотрел на него спокойно. Слишком спокойно. Потом слегка нахмурился, как человек, пытающийся вспомнить название ресторана, где однажды плохо поужинал.

— Имя знакомое, — сказал он. — Напомни.

У Тимофея похолодели руки. Не потому, что Орлов солгал. Потому что он, кажется, сказал правду.

Глава 3. Фраза, которую он забыл

— Напомни, — сказал Орлов.

Тимофей смотрел на него и вдруг понял, что есть вещи хуже лжи. Ложь хотя бы признаёт существование правды. Лжец держит правду в руках, прячет её за спиной, потеет, злится, переигрывает, путается в мелочах. Но Орлов не путался. Он сидел напротив спокойно, почти с любопытством, как человек, которому назвали смутно знакомую улицу из города, где он однажды был проездом. В его лице не было ни страха, ни раздражения, ни той мгновенной внутренней судороги, которую выдаёт имя, если под ним что-то похоронено.

— Вы не помните Асю Зарецкую? — спросил Тимофей.

— Я сказал, что имя знакомое.

— Это не одно и то же.

— Тимофей, за тридцать лет практики я слышал тысячи имён.

— Вы не любите эту фразу.

— Какую?

— «Тысячи имён». Вы говорили, что так оправдываются врачи в плохих сериалах, когда забывают пациента, которого должны были спасти.

Орлов чуть улыбнулся, но уже не так уверенно. Не потому что вспомнил. Скорее потому, что заметил, как Тимофей поставил ловушку, и оценил её форму.

— Я много чего говорил, — произнёс он. — Ученик всегда помнит учителя лучше, чем учитель себя.

— Удобно.

— Иногда правда удобна. Это не делает её ложью.

— Ася Зарецкая была вашей пациенткой.

Орлов взял со стола маркер, покрутил его между пальцами и положил обратно. Раньше он делал так, когда хотел дать собеседнику время самому услышать глупость своей фразы. Сейчас жест выглядел сохранённым, как привычка, которая пережила хозяина.

— Возможно, — сказал он. — Я могу поднять архив, если тебе это важно.

— Если мне важно?

— Да.

— Даниил Андреевич, вы сегодня рассказывали её историю со сцены.

— Я рассказывал собранный случай.

— Нет.

— Тима...

Тимофей вздрогнул. Слово прозвучало мягко. Почти так, как раньше. Почти. Но в этом «Тима» было что-то невыносимо неправильное. Как старый домашний халат на манекене. Ткань та же, запаха нет.

— Не называйте меня так.

Орлов поднял брови.

— Серьёзно?

— Да.

— Почему?

Тимофей засмеялся. Коротко, сухо, без радости. В гримёрке стоял пластмассовый запах винограда, воды из бутылки и чужого успеха. За стеной кто-то катил стойку с баннером. Баннер скрипел по полу, как плохо смазанная дверь.

— Вы правда не понимаете? — спросил Тимофей.

— Я понимаю, что ты сейчас в состоянии аффекта.

— Нет. Я в состоянии, когда человек, которого я знал пятнадцать лет, смотрит мне в лицо и делает вид, что не помнит мёртвую девушку.

— Я не делаю вид.

Вот это и ударило. Не интонация. Не слова. А простота. Орлов не защищался. Не обижался. Не нападал. Он сказал это почти устало: я не делаю вид. И у Тимофея внутри что-то медленно село на пол.

— Тогда всё хуже, — сказал он.

Орлов посмотрел на дверь. Потом на часы. Жест был вежливый, но разговор сразу стал кабинетом, где приёмное время подходит к концу.

— Послушай. Я вижу, что тебя что-то задело. Я не знаю, что именно сказала тебе Елена Рубцова, но она склонна к фиксациям. У неё была тяжёлая утрата, сложная семейная динамика, выраженная потребность найти виновного вне себя...

— Вы сейчас обсуждаете бывшую пациентку со мной?

— Ты сам начал разговор о ней.

— Я начал разговор о вас.

— Тогда давай о нас. Что ты хочешь услышать?

Тимофей посмотрел на его руки. На правой руке не было кольца. Раньше было. Тонкое, почти незаметное, не обручальное, не модное, просто старое серебряное кольцо с потемневшим краем. Орлов носил его на среднем пальце и никогда не объяснял. Тимофей однажды спросил, ещё в первые годы, и Орлов ответил: «Некоторые предметы нужны не для памяти, а для дисциплины». Тогда это показалось глубоко. В молодости почти всё, сказанное низким голосом, кажется глубоким.

— Где ваше кольцо? — спросил Тимофей.

Орлов посмотрел на руку.

— Какое?

— Серебряное. На правой руке.

— Не помню, чтобы носил.

Тимофей почувствовал, как раздражение становится холодным. Это было хуже злости. Злость шумит, толкает, требует сцены. Холодность начинает считать.

— Вы его носили минимум десять лет.

— Возможно. Я часто теряю вещи.

— Вы не теряете вещи.

— Ты сегодня очень уверен в том, что я делаю и чего не делаю.

— Потому что раньше я знал.

— Раньше ты был моложе.

— Раньше вы были живее.

Орлов моргнул. Вот теперь попало. Не глубоко, но в кожу. На лице мелькнуло что-то похожее на раздражение, и Тимофей почти обрадовался ему. Раздражение было настоящим. Раздражение хотя бы имело температуру.

— Аккуратнее, — сказал Орлов.

— С чем?

— С желанием наказать человека за то, что он перестал соответствовать твоей памяти о нём.

— А вы аккуратнее с чужой памятью.

Они замолчали. Гримёрка была маленькая, но в ней вдруг стало много воздуха. Слишком много. Как в больничном коридоре ночью, когда все двери закрыты, и ты слышишь только вентиляцию, собственную кровь и мысль: сейчас что-то произойдёт, а ты опять не успеешь. Тимофей заставил себя говорить спокойнее.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Ты уже задал несколько.

— Один важный.

Орлов кивнул.

— Задавай.

Тимофей наклонился вперёд. Он не планировал этого вопроса. Он появился сам, как иногда появляется у пациента не та фраза, которую он готовил всю неделю, а та, после которой в кабинете становится понятно, зачем он вообще пришёл.

— Что вы сказали мне на лестнице в две тысячи одиннадцатом?

Орлов смотрел на него.

— На какой лестнице?

— В институте. После Ларионова.

Имя старого пациента до сих пор отзывалось холодом. Ларионов исчез после последней встречи; через два дня Тимофею сообщили о его смерти. Он решил уйти из профессии. Орлов нашёл его на лестнице, сел рядом и сказал: «Ты не Бог, Тима. Не делай из своей ошибки рели-

гию». Тимофей описал ту лестницу: грязное окно, мятную конфету в ладони Орлова, серебряное кольцо, которое тот крутил на пальце.

— На какой лестнице? — спросил Орлов.

— Вы сейчас серьёзно?

— Я помню разговор. Не помню лестницу.

— Эту фразу я носил в себе пятнадцать лет.

— Хорошая фраза, — сказал Орлов.

— Да. Вы её сказали.

— Да. Вы её сказали.

— Вполне мог.

— Нет. Вы не «вполне могли». Вы сказали. Она спасла мне профессию.

Орлов посмотрел на него внимательнее. Теперь в этом взгляде было что-то почти человеческое. Не память. Скорее интерес к ущербу, нанесённому её отсутствием.

— Мне жаль, что я не помню этого так же.

— Вам жаль?

— Да.

— Что вы чувствуете, когда говорите «жаль»?

Вопрос вышел слишком профессиональным. Тимофей сам это услышал и возненавидел себя. В самые болезненные моменты психотерапевты часто превращаются в плохие пародии на собственную работу. Другие люди кричат, бьют посуду, уходят в ночь. Психотерапевты спрашивают: «Что вы сейчас чувствуете?» — и потом удивляются, что их хочется ударить стулом. Орлов не обиделся.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я понимаю, что должен испытывать сожаление. Вероятно, испытываю.

— Вероятно.

— Тимофей.

— Нет, подождите. Это интересно. Вы понимаете, что должны. Но не чувствуете?

— Я устал. У меня была лекция, автограф-сессия, интервью. Возможно, я сейчас эмоционально выровнен.

— Выровнен?

— Да.

— Как пол после ремонта.

— Не цепляйся к словам.

— Я цепляюсь не к словам. Я цепляюсь к тому, что от вас осталось.

Орлов встал. Движение было быстрым. Стул чуть скрипнул. На секунду Тимофей увидел прежнего Орлова: раздражённого, властного, опасно живого. И снова почти обрадовался. Даже злость учителя была лучше этой холодной пустоты.

— Ты пришёл не за разговором, — сказал Орлов. — Ты пришёл за подтверждением своей обиды.

— Нет.

— Да. Ты давно хотел понять, что я не тот человек, которым ты меня сделал в своей голове. Поздравляю. Я не тот. Никогда им не был. Учителя вообще редко совпадают с религиозными сооружениями, которые строят из них ученики.

— Красиво.

— Зато правда.

— Не вся правда.

— Вся правда тебе не нужна. Тебе нужен повод наконец перестать быть моим учеником.

Тимофей поднялся тоже. Они стояли друг напротив друга, почти одного роста, но Орлов всё равно казался выше. Не физически. По старой привычке пространства. Некоторые люди

годами занимают в тебе слишком большое место, и даже когда ты их оттуда выгоняешь, комната ещё долго сохраняет форму их мебели.

— Вы проходили процедуру, — сказал Тимофей.

Орлов посмотрел ему прямо в глаза.

— Да.

Ответ был таким простым, что Тимофей не сразу понял, что услышал.

— Что?

— Да. Я проходил процедуру.

Все подготовленные вопросы сразу стали тупыми. Тимофей ожидал отрицания, иронии, угрозы, ухода, манёвра. Он не ожидал признания. Признание иногда бывает лучшей формой нападения: собеседник остаётся с пустыми руками, потому что держал камень, а дверь открылась сама.

— Какую? — спросил он.

— Медицинскую.

— Не играйте.

— Я не играю. Я прошёл коррекцию травматического следа.

— В «Мнеме»?

— Да.

— Когда?

— Недавно.

— Что вы стёрли?

Орлов усмехнулся.

— Вот теперь ты говоришь как обыватель.

— Что вы стёрли?

— Ничего. Факты на месте.

— Что вы перестали чувствовать?

— То, что мешало мне жить.

— Ася Зарецкая?

Орлов помолчал.

— Видимо.

Тимофей почувствовал, как что-то внутри него опасно сместилось. Не обрушилось ещё. Просто пошло трещиной.

— Видимо?

— Если она входит в тот контур, о котором ты говоришь, да.

— Вы даже не знаете?

— Я знаю достаточно.

— Для чего?

— Чтобы не просыпаться каждую ночь в одном и том же месте.

— В каком месте?

Орлов подошёл к столу, взял телефон, посмотрел на экран, не включая его, и положил обратно. Это был жест человека, которому нужно чем-то занять руки, но он не хочет показывать, что руки просят работы.

— Ты не поймёшь.

— Попробуйте.

— Нет.

— Потому что не хотите или потому что не можете?

Орлов медленно повернулся.

— Потому что ты сейчас наслаждаешься моей уязвимостью и называешь это поиском правды.

Тимофей хотел ответить, но не смог сразу. Попадание было точным. Неприятно точным. В нём действительно была часть наслаждения. Маленькая, грязная, человеческая. Наставник оказался не богом. Наставник лежал на столе, подписывал согласие, стирал из себя то, что сам запрещал стирать другим. В этом было торжество. И было горе. Горе пока стояло сзади и ждало своей очереди.

— Вы учили людей жить с болью, — сказал Тимофей.

— Да.

— А сами удалили свою.

— Да.

— И вас это не мучает?

— Нет.

Вот оно. Самое страшное слово в комнате. Нет. Не длинная лекция. Не оправдание. Не философия. Просто нет. Тимофей сел обратно, хотя не собирался. Ноги вдруг стали тяжёлыми.

— Значит, сработало, — сказал он.

— Да.

— И вы считаете это нормальным?

— Я считаю, что страдание не является моральной обязанностью.

— А вина?

— Вина тоже.

— Удобная мысль для виноватого человека.

Орлов посмотрел на него без злости.

— Все удобные мысли придумали виноватые люди. Невинным вообще редко приходится думать.

Тимофей закрыл глаза на секунду. Не от усталости. От желания запомнить. Вот это надо было запомнить. Потому что Орлов всё ещё умел. Даже вырезанный, сглаженный, очищенный, он продолжал выдавать фразы, за которыми можно было идти. Машина работала. Просто из неё убрали водителя. В дверь постучали.

— Даниил Андреевич? — голос ассистентки. — Простите. Интервью уже задерживается на пятнадцать минут.

— Скажите, что я выйду через пять.

— Конечно.

Шаги удалились. Орлов надел пиджак. Перед зеркалом. Быстро, привычно. Проверил воротник, манжеты, лицо. Тимофей смотрел, как человек собирает себя для публики. Это было почти непристойно. Как увидеть, как актёр приклеивает слёзы перед сценой.

— Не копай это, — сказал Орлов, не оборачиваясь.

— Почему?

— Потому что тебе не понравится то, что ты найдёшь.

— Мне уже не нравится.

— Нет. Пока тебе нравится. Ты чувствуешь себя правым. Это один из самых дешёвых видов наркотика для людей нашей профессии.

— Вы боитесь?

Орлов посмотрел на него через зеркало.

— Не так, как тебе хочется.

— А как?

— Практически.

— Что это значит?

— Это значит, что если ты начнёшь бегать вокруг «Мнемы», Елены, Аси Зарецкой и моих старых случаев, ты навредишь живым людям.

— Кому?

— Себе для начала.

— Это угроза?

— Нет. Угроза звучала бы убедительнее. Это прогноз.

Он повернулся. На нём снова был публичный Орлов. Пиджак сел идеально. Лицо стало чуть мягче. Взгляд — чуть дальше. Тон — чуть теплее. Через минуту он выйдет к журналистке, которая спросит, почему мы так боимся своего прошлого, и он ответит ей красиво, так, что утром это разойдётся на цитаты. Люди будут пересылать друг другу его слова в мессенджерах, сидя в такси, в постелях, в рабочих чатах, в туалетах торговых центров. Утешение никогда не спрашивает у источника биографию.

— Последнее, — сказал Тимофей.

Орлов вздохнул.

— Ещё один важный вопрос?

— Почему я был указан вашим сопровождающим в клинике?

Тишина стала плотной. Вот теперь Орлов не успел спрятаться. Это длилось меньше секунды, но Тимофей увидел. Маленький провал в лице. Не память. Тень от неё.

— Откуда ты знаешь?

— Администратор сказала.

— Когда?

— Сегодня.

— Ты был в клинике?

— Нет. Она назвала мне имя.

— Какая администратор?

Тимофей внимательно посмотрел на него.

— Вы не помните?

Орлов не ответил.

— Значит, правда, — сказал Тимофей. — Вы указали меня контактным лицом.

— Возможно.

— Почему?

— Наверное, доверял.

— Не «наверное».

— Я не знаю.

— Вы указали меня перед тем, как стёрли Асю Зарецкую, своё кольцо, нашу лестницу, часть своей вины, но не помните почему?

Орлов сказал тихо:

— Не драматизируй.

— Драматизировать — это когда человек покупает билет на вашу лекцию после развода и думает, что вы спасёте ему жизнь. А я просто пытаюсь понять, почему вы оставили моё имя на краю своей памяти.

Орлов подошёл ближе. Теперь между ними был всего шаг.

— Может быть, потому что знал: ты единственный достаточно упрямый, чтобы заметить.

— Что?

— Что я стал счастливее.

Тимофей смотрел на него. Фраза была сказана почти без вызова. Почти искренне. И от этого стала хуже любой угрозы.

— Вы не стали счастливее, — сказал Тимофей.

— Откуда ты знаешь?

— Счастливые люди не выглядят так, будто их только что хорошо отмыли.

Орлов улыбнулся. Орлов вышел вместе с ним в служебный коридор. У двери они остановились.

— Не ищи «Мнему», — сказал Орлов.

— Почему?

— Потому что тебе не понравится человек, которого ты там найдёшь.

— Вы?

— Нет. Ты.

На улице Тимофей открыл сайт клиники. Белый фон, серые линии, обещание «снизить интенсивность травматического следа без утраты фактической памяти». Внизу стояла фотография команды. Орлова среди них не было. Телефон завибрировал. Тимофей достал телефон. Сначала он хотел набрать Орлова. Глупо. Детское движение: позвонить человеку, от которого только что ушёл, чтобы ещё раз получить удар по тому же месту. Потом хотел найти Елену Рубцову, но у него не было её номера. Потом открыл поиск и набрал: «Мнема коррекция памяти». Первым вышел сайт. Белый фон. Тонкая серая линия. Логотип: круг, внутри которого не хватало маленького сегмента. Как будто кто-то аккуратно откусил луну.

«МНЕМА. Клиника нейropsychологической коррекции эмоционального следа».

Ниже слоган:

«Вы — не то, что с вами случилось».

Тимофей долго смотрел на эту фразу. Она была правильной. Почти безупречной. Он сам мог бы сказать её пациенту. Орлов мог бы сказать её пациенту. Любой нормальный терапевт мог бы сказать её человеку, который слишком долго называл себя именем своей катастрофы. И именно поэтому от неё стало холодно. Правильные слова — самый удобный контейнер для лжи. В них ложь не пахнет. Он открыл раздел «Метод».

«Мы не стираем вашу жизнь. Мы помогаем мозгу перестать возвращать вас в точку боли».

Дальше шли мягкие схемы, улыбки врачей, отзывы без фамилий, фотографии кабинетов с серыми креслами и окнами на воду. Ни одного слова, которое могло бы испугать человека по-настоящему. Ни «вина», ни «стыд», ни «любовь», ни «память тела», ни «если удалить боль, можно случайно удалить место, где стоял человек». Тимофей пролистал вниз. В разделе «Научный совет» было шесть фотографий. Три врача, два инвестора с академическими степенями, одна женщина с лицом человека, который не просит повторять дважды. Седьмое место было пустым. Не совсем пустым — там осталась рамка, словно фотографию убрали недавно, но верстальщик ещё не успел подтянуть блок. Он приблизил экран. Под пустой рамкой мелкими серыми буквами было написано:

«Д. А. Орлов, консультант по этике терапевтической памяти».

Тимофей сделал снимок экрана. Через секунду страница обновилась сама. Пустая рамка исчезла. Теперь фотографий было шесть, блок выглядел идеально ровным, а имени Орлова нигде не было. Тимофей стоял под дождём и смотрел на экран. Потом ещё раз обновил страницу. Ничего. Чисто. Аккуратно. Как будто седьмого места никогда не существовало. Телефон завибрировал. Незнакомый номер. Сообщение было коротким:

«Вы спросили не ту фразу. Спросите его, почему он выбрал вас».

Следом пришла фотография. Старый коридор. Желтоватый свет. Дверь лифта. Молодой Тимофей стоит у окна, бледный, в мятой рубашке, с телефоном в руке. Рядом — Даниил Орлов. Чуть дальше, спиной к камере, девушка в сером пальто. Под фотографией была дата: 23.10.2016. Тимофей не помнил, чтобы был там.

Глава 4. Женщина, которая не плачет

Фотография была плохого качества. Такие снимки обычно делают камеры наблюдения, установленные людьми, которые считают, что человеческое лицо — излишество. Желтоватый коридор, дверь лифта, окно с чёрным стеклом, мутное пятно лампы на потолке. Молодой Тимофей стоял у окна, чуть сторбившись, в рубашке с закатанными рукавами, и смотрел не в камеру, не на Орлова, не на девушку в сером пальто, а куда-то себе под ноги, будто там лежало объяс-

нение, которое он боялся поднять. Даниил Орлов стоял рядом. Ему было лет сорок два или сорок три, волосы ещё почти тёмные, лицо резче, чем сейчас, и в этом лице было что-то, чего Тимофей не видел у него много лет: злость, плохо прикрытая контролем. Девушка в сером пальто стояла спиной. Худые плечи. Тёмные волосы. Телефон в руке. Ничего особенного. Просто девушка, которую можно было бы не запомнить, если бы под снимком не стояла дата: 23.10.2016.

Тимофей не помнил этого коридора. Он помнил октябрь две тысячи шестнадцатого. Вернее, помнил общий цвет того времени: серый, недосып, дешёвый кофе в стаканчиках, конференции, первые частные клиенты, желание доказать Орлову, что он не зря его приблизил. Помнил, что тогда много работал в институте, читал лекции для студентов, вёл группу для молодых специалистов, иногда ночевал у женщины, которую не любил, но уважал за то, что она не задавала вопросов утром. Помнил новости, лица, чей-то день рождения, похороны коллегиного отца, мокрый снег, который тогда выпал слишком рано. Но этот коридор — нет. Девушку — нет. Себя рядом с Орловым и неизвестной Асей Зарецкой — нет.

Он увеличил снимок пальцами. Лицо его молодого себя распалось на квадраты. Приблизил Орлова. Тот смотрел на девушку. Или на дверь лифта. Или на что-то между ними. Камера была слишком тупой, чтобы различать вину. Тимофей нажал на номер отправителя. Вызов пошёл. Один гудок. Второй. Третий. На четвёртом связь оборвалась. Не сбросили. Именно оборвалась, будто номер был не у человека, а у устройства, которому разрешили дышать только двадцать секунд. Он набрал снова.

«Абонент временно недоступен».

Конечно. Он стоял под дождём возле служебного выхода центра «Контур», в котором ещё недавно люди хлопали стоя фразам о прошлом, и смотрел на телефон, как дурак смотрит на закрытую дверь после того, как ему сказали, что за ней его жизнь. Дождь был мелкий, липкий, городской. Он не шёл, а оседал на лице, на волосах, на воротнике пальто, на экране телефона. Через дорогу светила вывеска круглосуточной аптеки. Рядом с ней — кофейня с людьми за стеклом. Люди сидели в тепле, листали телефоны, делали вид, что вечер ещё можно назвать обычным. Тимофей отправил фотографию себе на почту, в два мессенджера и в облако. Потом открыл её снова. Глупо. Будто снимок мог измениться, пока он его сохранял. Будто девушка могла повернуться.

На экране появились три точки. От незнакомого номера пришло новое сообщение.

«Не ищите меня. Ищите Елену Рубцову. Она всё ещё помнит часть того, за что заплатила, чтобы не помнить».

Тимофей написал: «Кто вы?» Сообщение не доставилось. Он постоял ещё минуту. Потом засмеялся. Тихо, почти беззвучно. Смех вышел плохой, болезненный, как кашель у человека, который бросил курить только для того, чтобы обнаружить, что лёгкие всё равно принадлежат прошлому. В его жизни только что появилось анонимное сообщение, исчезнувшая клиника, стёртая страница сайта, фотография из ночного коридора, Орлов, который не помнил мёртвую девушку, и женщина, которая сказала: «Он больше не болит». Если бы пациент рассказал ему такое на первой встрече, Тимофей очень мягко спросил бы, как давно он спит меньше четырёх часов и нет ли у него ощущения преследования. Профессия ужасна тем, что она учит тебя не верить даже себе, когда наконец надо бы поверить.

Домой он поехал на такси. Водитель всю дорогу слушал разговорное радио, где два бодрых человека обсуждали, почему современным мужчинам так трудно признавать чувства. Тимофей хотел попросить выключить, но не попросил. Ему вдруг стало интересно, сколько ещё абсурда может выдержать вечер, прежде чем начнёт трещать по швам.

— Психологи, конечно, сейчас везде, — сказал водитель, глядя в зеркало. — Раньше мужик выпил, поговорил с другом, нормально. А теперь всё травма.

— Не всё, — сказал Тимофей.

— А вы откуда знаете?

— Я психолог.

Водитель замолчал. На три секунды. Потом сказал:

— Ну, вам виднее.

И прибавил громкость. Квартира встретила Тимофея запахом холодного дерева и невымытой чашки в раковине. Он жил на девятом этаже дома, построенного в период, когда архитекторы решили, что человеку достаточно коробки, если в ней есть панорамное окно и ипотека на двадцать лет. Из окна открывался вид на крыши, рекламный экран, кусок реки и соседнюю башню, где по вечерам светились одинаковые кухни. Тимофей часто думал, что в Москве даже одиночество выглядит как чей-то успешный проект: стекло, бетон, кресло у окна, растение, которое ты купил, потому что консультант в магазине сказал, что оно неприхотливое, а потом всё равно забыл полить.

Он снял мокрое пальто, бросил на стул, прошёл на кухню. Налил воды. Выпил. Не помогло. Достал из шкафа виски, посмотрел на бутылку, поставил обратно. Не из принципа. Просто вдруг стало противно делать именно то, что сделал бы герой плохого психологического триллера, обнаружив тайну своего прошлого. Он и так уже чувствовал себя человеком, написанным кем-то с любовью к дешёвым поворотам. Он сел за стол, открыл ноутбук и ввёл: «Елена Рубцова Даниил Орлов».

Ничего полезного. Несколько однофамилиц, профиль преподавательницы английского, старая страница в деловой сети, фотографии людей, которые не были той женщиной из фойе. Он ввёл: «Елена Рубцова Мнema». Пусто. «Елена Рубцова потеря ребёнка». Пусто. «Мнema клиника нейропсихологическая коррекция эмоционального следа». Сайт, который он уже видел. Несколько рекламных материалов. Одна заметка в деловом журнале: «Российский стартап предлагает новый подход к травматической памяти». Фото основателей. Улыбающиеся люди в чёрном, белом и сером. Слова «этичность», «доказательность», «бережность», «качество жизни». В каждом абзаце было так чисто, будто текст перед публикацией пропустили через хлорку. Имени Орлова не было.

Он открыл кэш страницы. Ничего. Архив. Старые копии не сохранились. Поиск по картинкам фотографии из сообщения ничего не дал. Метаданные были вычищены. Тимофей и не ожидал другого, но всё равно почувствовал злость. Не на отправителя, не на «Мнemu», не на Орлова даже. На аккуратность. В этом новом мире зло всё чаще выглядело не как зверь, а как человек, который умеет удалять историю браузера.

Он нашёл старую книгу Орлова на полке. «Человек, который выдержал себя». Корешок был выцветший, страницы — с жёлтыми краями. На первой странице автограф: «Тиме. Ты умнее, чем тебе полезно. Д.О.» Тимофей провёл пальцем по надписи и впервые за много лет почувствовал не благодарность, а неприятное подозрение: сколько в его жизни было фраз Орлова, которые он принял за спасение только потому, что они были произнесены вовремя? Он начал листать книгу. Не читать — искать. Память работала странно. Руки сами находили места, которые когда-то были важны. Подчёркивания, пометки, восклицательные знаки на полях, его молодая уверенность, что важные мысли надо обязательно обводить. На странице сто сорок три, рядом с пятном от кофе, была глава о вине терапевта. Тимофей прочёл первый абзац и почувствовал тошноту.

«Вина специалиста после утраты пациента — это не доказательство любви к пациенту. Чаще это форма нарциссического присвоения: терапевт тайно объявляет себя центром чужой смерти, потому что даже в трагедии не готов отказаться от роли главного героя».

Раньше эта мысль помогла ему выжить после Ларионова. Теперь она показалась не просто жёсткой. Удобной. Слишком удобной для человека, которому однажды надо было снять с себя невыносимую тяжесть. Он пролистал дальше. Глава называлась «Лестница». Тимофей

не помнил этого названия. Странно. В книге, которую он читал десятки раз, не должно было быть незнакомых дверей.

«Однажды молодая пациентка сказала мне: “Если вы сейчас назовёте мою боль симптомом, я пойму, что вы просто не знаете, куда её деть”. Эта фраза стала для меня одним из главных профессиональных уроков. Мы слишком часто прячем человеческое за термином, потому что термин не смотрит на нас заплаканными глазами».

Тимофей медленно поднял взгляд от страницы. Молодая пациентка. Заплаканные глаза. Лестница. Он прочитал абзац ещё раз. Потом следующий. В тексте не было имени. Не было даты. Не было явных деталей. Но теперь каждая фраза казалась отпечатком пальца на чистой поверхности. Орлов писал о ней. Или Тимофею теперь везде будет мерещиться она. Это и есть проблема расследования, когда оно касается твоей памяти: улики начинают размножаться в темноте. Он взял телефон и написал Орлову: «Кто прислал мне фотографию от 23.10.2016?» Сообщение ушло. Две галочки. Ответа не было. Через минуту Орлов написал: «Не знаю, о какой фотографии ты говоришь». Тимофей отправил снимок. Долго ничего. Потом: «Где ты это взял?»

Тимофей: «Кто такая Ася Зарецкая?»

Орлов: «Мы уже говорили».

Тимофей: «Нет. Вы ушли».

Орлов: «И ты должен сделать то же самое».

Тимофей смотрел на экран. Потом написал: «Почему я был там?» Ответ пришёл почти сразу: «Не всё, что мы не помним, было с нами». Хорошая фраза. Красивая. Почти орловская. И совершенно бесполезная. Она была не ответом, а дверной цепочкой. Тимофей выключил телефон.

Он плохо спал. Вернее, не спал. В четыре утра всё-таки задремал в кресле у окна и увидел сон, если это был сон: лифт едет вниз, но дверей нет, только зеркальные стены, и в каждом отражении он старше или моложе себя на несколько лет. На одном этаже стоит Орлов и говорит: «Не делай из своей ошибки религию». На другом — девушка в сером пальто держит телефон с разбитым экраном. На третьем — Елена Рубцова гладит по голове мальчика, лица которого не видно. Когда лифт открывается, внутри никого нет, кроме запаха хлорки.

Утром он отменил первые две сессии. Пациентам написал сухо и честно: «По личным обстоятельствам переносу встречу». Один ответил сразу: «Надеюсь, всё хорошо». Тимофей посмотрел на эту фразу и подумал, что люди используют её не потому, что надеются. Просто цивилизация пока не придумала более короткий способ сказать: «Я не хочу знать подробности, но хочу выглядеть прилично». Номер Елены Рубцовой он нашёл через два часа. Не напрямую. Через старую базу конференции, где она когда-то регистрировалась на закрытый семинар Орлова. Это было сомнительно с точки зрения профессиональной этики, но профессиональная этика вообще становится очень гибкой, когда твой бывший учитель стирает из себя мёртвых девушек и указывает тебя сопровождающим. В базе было имя, почта, телефон и пометка: «индивидуальное приглашение, Д.О.». Тимофей долго смотрел на эти две буквы.

Он позвонил. Елена взяла не сразу.

— Да.

Голос был сухой, настороженный. Вчера в фойе она говорила так же, но там вокруг были люди, свет, Орлов, очередь за автографом. Сейчас в голосе не было декораций.

— Елена Викторовна? Это Тимофей Северин. Мы вчера...

— Я знаю.

— Нам нужно встретиться.

— Нет.

— Мне прислали фотографию.

Молчание.

— Какую?

— Двадцать третье октября две тысячи шестнадцатого. Коридор. Орлов. Я. Девушка в сером пальто.

Елена долго не отвечала. Тимофей слышал в трубке какой-то бытовой звук: вода, может быть, чайник, может быть, стиральная машина. Странно, как быстро тайна становится жалкой, если рядом с ней полощется бельё.

— Кто прислал? — спросила она.

— Не знаю.

— Значит, не только я устала молчать.

— Кто ещё знает?

— Все, кто сделал вид, что не знает.

— Елена, я не помню этого дня.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Это значит, что вы удачливее меня.

— Я не чувствую себя удачливым.

— Потому что ещё мало знаете.

Она хотела повесить трубку. Тимофей понял это по дыханию.

— Подождите. Вы вчера сказали, что проходили процедуру.

— Я много чего сказала вчера.

— Вы сказали правду?

— Вы психологи очень любите этот вопрос. Как будто человек сам всегда знает, где у него правда, а где шов.

— Я хочу понять, что делает «Мнема».

— Нет. Вы хотите понять, что Орлов сделал с собой.

— И это тоже.

— Приходите через час.

Она назвала адрес. Это оказался не дом и не офис, а старый торговый центр возле метро «Аэропорт». Не тот глянец, где внизу продают японские ножи и делают вид, что город состоит из людей с хорошими страховками. Обычный торговый центр из нулевых: стеклянные двери, запах выпечки, ремонт телефонов, маникюр, отдел с чемоданами, банкомат, который моргал надписью «временно не работает» с такой усталостью, будто сам нуждался в отпуске. На втором этаже была кофейня без названия, просто коричневая вывеска «КОФЕ» и пластиковые стулья, сделанные для того, чтобы человек не задерживался слишком долго со своей жизнью.

Елена сидела у окна. Перед ней стоял чай в стеклянном стакане и нетронутый сырник. Вчера она казалась сухой, собранной, почти колючей. Сегодня — меньше. Без пальто, в сером свитере, с убранными волосами, она выглядела не моложе и не старше, а беднее самой себя. Некоторые люди после больших потерь не стареют. Они как будто теряют объём.

— Вы выбрали странное место, — сказал Тимофей, садясь напротив.

— Здесь никто не слушает.

— В местах, где никто не слушает, обычно лучше всего записывают камеры.

— Пусть записывают. Камеры не понимают, что видят.

Она посмотрела на него внимательно.

— Вы плохо спали.

— Вы тоже.

— Я не сплю хорошо уже давно. Просто после процедуры перестала понимать, почему.

Официантка подошла к столику. Тимофей заказал кофе. Официантка кивнула и ушла с видом человека, которому всё равно, что кто-то тут собирается обсуждать стирание памяти. Работа сферы обслуживания вообще сильно похожа на психотерапию, только без иллюзии глу-

бины: к тебе приходят люди со своими потребностями, раздражаются, если их не поняли, и редко оставляют нормальные чаевые.

— Расскажите про «Мнему», — сказал Тимофей.

Елена усмехнулась.

— Сразу?

— Не умею светскую часть.

— Умеете. Просто сейчас хотите казаться честнее.

Она взяла ложку, провела по краю стакана. Звук был тонкий, неприятный.

— «Мнема» не выглядит как место, где с человеком могут сделать что-то плохое. Это важно. Там нет подвалов, криков, железных дверей. Там есть свет, вода с лимоном, люди с хорошей дикцией и пледы. Пледы особенно мерзкие. Когда тебе дают плед, ты сразу начинаешь думать, что о тебе заботятся.

— Как вы туда попали?

— Через Орлова.

— Вы были его пациенткой?

— Да.

— С чем пришли?

Елена посмотрела в окно. Внизу у эскалатора мальчик лет пяти тянул мать к автомату с игрушками. Мать раздражённо говорила по телефону и оттаскивала его за рукав. Мальчик не плакал. Просто тянулся обратно. У детей есть невероятное упорство в отношении пластикового счастья.

— У меня был сын, — сказала Елена.

Тимофей молчал.

— Странная фраза, да? Обычно говорят: «У меня умер сын». Или: «Я потеряла сына». А я всё чаще говорю: «У меня был сын». Как будто он не умер, а просто закончился. Как сезон сериала. Как абонемент в бассейн.

— Как его звали?

Она закрыла глаза. Слишком быстро. Не от боли. От проверки.

— Миша, — сказала она. — Его звали Миша.

— Сколько ему было?

— Шесть.

Тимофей кивнул. Внутри у него сжалось что-то профессиональное и человеческое одновременно. Эти две части редко дружили. Профессиональная часть хотела слушать аккуратно, не торопить, не присваивать. Человеческая хотела отвести глаза, потому что шесть лет — это слишком маленький возраст даже для чужой истории.

— Что случилось?

— Авария.

— Вы были за рулём?

— Нет.

Она сказала это резко, почти зло.

— Извините.

— Не надо. Все спрашивают. Даже если не вслух. Это один из главных вопросов к матери мёртвого ребёнка: ты сама его убила или просто плохо охраняла?

— Я не это имел в виду.

— Конечно. Никто никогда не имеет в виду. Смысл вообще очень часто появляется без разрешения.

Она наконец отпила чай. Лицо не изменилось. Как будто она пила тёплую воду.

— Машина вылетела на переход. Мужчина уснул. Или писал сообщение. Или был трезвый, честный, порядочный, просто на секунду перестал быть водителем. Суд решил, что уснул.

Мне это не помогло. Миша умер через два часа в больнице. Я помню коридор. Помню автомат с кофе. Помню, что купила шоколадку и держала её в руке, пока врач говорил, что они сделали всё возможное. Шоколадка растаяла. У меня были коричневые пальцы. Я всё думала, что надо их вытереть, потому что Миша не любил грязные руки.

Тимофей смотрел на её пальцы. Тонкие, сухие, без лака. Они лежали на столе спокойно.

— После этого я не жила, — сказала Елена. — Это обычно звучит красиво. В книгах. В интервью. «Я не жила». На самом деле это некрасиво. Я чистила зубы, покупала крупу, отвечала на сообщения, иногда мыла пол, потому что пыль почему-то продолжает ложиться даже в доме, где умер ребёнок. Я ходила к психологам. Одни были добрые и бесполезные. Другие умные и тоже бесполезные. Потом мне посоветовали Орлова.

— Кто?

— Подруга. Бывшая. После смерти ребёнка подруги становятся бывшими почти сами собой. Никто не виноват. Просто твой дом начинает пахнуть тем, что с ними тоже может случиться, и они постепенно выбирают кафе подальше.

— Сколько вы работали с Орловым?

— Девять месяцев.

— Помогало?

Она посмотрела на него с усталой иронией.

— А вы как думаете?

— Думаю, да. Иначе вы бы не остались.

— Помогало. Он был очень хорош. Это ведь самое неприятное, правда? Был бы он шарлатаном, всё было бы проще. Но он видел. Слышал. Не сюсюкал. Не говорил, что Миша всегда будет со мной. Не предлагал писать письма умершему сыну, за что я ему до сих пор благодарна, хотя благодарность после смерти ребёнка — чувство с гнилым дном. Орлов сказал мне однажды: «Вы не обязаны делать из материнства мавзолеей». Я тогда впервые за полгода засмеялась.

Тимофей узнал интонацию. Узнал фразу. Орлов умел так: войти в самое священное место и переставить там мебель, пока человек от неожиданности не начинал дышать.

— А потом? — спросил он.

— Потом стало хуже. Не из-за него. Просто горе иногда притворяется, что отступило, чтобы человек вышел из укрытия. Я начала видеть Мишу везде. В метро. У подъезда. В магазине. Один раз пошла за чужим ребёнком три квартала. Мать вызвала полицию. Я стояла перед двумя мужчинами в форме и пыталась объяснить, что не хотела ничего плохого, просто у её сына была такая же шапка. Один из них был добрый. Это хуже. Когда грубят, можно злиться. Когда жалеют, хочется лечь на асфальт и закончиться.

Она сломала сырник вилкой, но не съела.

— Орлов сказал, что есть программа. Экспериментальная, но уже законная. Для тяжёлых случаев. Не удаление памяти, нет. Тогда они тоже уже очень не любили это слово. Коррекция эмоционального следа. Я спросила, забуду ли Мишу. Он сказал: «Нет. Вы просто перестанете умирать каждый раз, когда вспоминаете». Хорошая фраза. У них все фразы хорошие.

— Он сам направил вас?

— Да.

— В «Мнему»?

— Да.

— Он говорил, что связан с клиникой?

— Говорил, что консультирует этический блок. Мне это даже понравилось. Я подумала: если Орлов там, значит, всё не совсем страшно.

Тимофей вспомнил пустую рамку на сайте. «Д. А. Орлов, консультант по этике терапевтической памяти». Этика. Слово, которое часто вешают на стену именно там, где давно не стоит зеркало.

— Как проходила процедура?

— Сначала красиво. Тесты, беседы, анкеты. Они спрашивают, что именно вы хотите изменить. Не забыть — изменить. Я сказала: хочу перестать видеть его на дороге. Хочу перестать слышать звук удара, которого на самом деле не слышала, потому что меня там не было. Хочу перестать ненавидеть женщин с живыми мальчиками. Хочу перестать завидовать даже тем, у кого дети болеют, потому что их дети хотя бы болеют. Хочу зайти в детский отдел и не почувствовать, что меня вывернули через рот.

Она говорила ровно. Именно это было невыносимо. Не слёзы. Не срыв. Ровность. Как гладкая поверхность озера, под которым стоит затонувший город.

— И помогло? — спросил Тимофей.

— Да.

Коротко. Сухо.

— Как?

Елена посмотрела на него.

— Я вышла из клиники и увидела мальчика в синей куртке. Примерно Мишиного возраста. Он ел булку, крошки падали на шарф. До процедуры я бы не смогла смотреть. Или смогла бы, но потом меня трясло бы час. А тогда я посмотрела и подумала: испачкался. Просто испачкался. Понимаете?

Тимофей кивнул, хотя не был уверен, что понимает.

— Я приехала домой. Вошла в комнату Миши. До этого дверь была закрыта почти год. Я трогала его вещи только в перчатках, как следователь. В тот день я открыла шкаф, собрала одежду в пакеты и отвезла в фонд. Без истерики. Без рвоты. Без того, чтобы лечь на пол и нюхать его свитер. Просто собрала. Даже почувствовала облегчение. Место освободилось. Воздуха стало больше.

— Это звучит как улучшение.

— Да. Именно. Так они и говорят.

Официантка принесла кофе. Тимофей поблагодарил. Елена подождала, пока девушка уйдёт, и только потом продолжила:

— Через неделю я поняла, что не могу вспомнить его смех.

— Факт помнила. Знала, как он шурился и что у него не хватало переднего зуба. Но сам звук исчез. Потом запах волос после улицы. Потом рука перестала тянуться в магазине к его йогуртам.

Лицо Елены оставалось сухим.

— Через месяц я посмотрела на фотографию и подумала: хороший мальчик. Не мой. Они сказали, любовь не исчезла, просто отделилась от травматического контура.

Орлов попросил дать себе время и добавил: «Иногда мы принимаем боль за любовь, потому что боимся узнать, что без боли любовь не такая большая». Тимофей узнал фразу. Красивая, почти правдивая и неприличная в комнате женщины, которая боялась, что ей стёрли сына.

— Поэтому вы пришли на лекцию?

— Хотела посмотреть, болит ли ему.

Елена усмехнулась.

— Хотела посмотреть, болит ли ему.

— И?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что теперь знаю, как это выглядит.

Они молчали. За окном второго этажа проплывали люди на эскалаторе. Мужчина с букетом. Девушка с пакетом обуви. Подросток с наушниками. Старик, который держался за поручень двумя руками. Каждый ехал по своим делам, не подозревая, что в нескольких метрах от него женщина объясняет мужчине, как выглядит любовь после ампутации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.